

СЛАДКОЕ ЗЛО

ВЕНДИ ХИГГИНС

СЛАДКОЕ ЗЛО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X42

Wendy Higgins
SWEET EVIL

*Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Synopsis*

Перевод с английского Марии Сухановой

Хиггинс, Венди..

X42 Сладкое зло: [роман] / Венди Хиггинс; пер. с англ. М. Сухановой — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Сладкое зло).

ISBN 978-5-17-983291-1

Жизнь молодых людей полна соблазнов – такова реальность. Для сыновей и дочерей падших ангелов все еще сложнее, ведь они имеют дело с людскими пороками. Но шестнадцатилетняя Анна Уитт, девушка с душой нежной и горячей, как солнце в ее родной Атланте, всегда выбирает светлую сторону. Обладая сверхъестественной способностью чувствовать эмоции других людей, она умеет противиться силам зла. Однако сможет ли Анна устоять перед искушением после встречи с Каиданом, покорившим ее сердце?

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-983291-1

Copyright © 2012 by Wendy Higgins
© М. Суханова, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Моей матери, Нэнси Перри,
которая всегда говорила мне,
что я когда-нибудь стану писательницей.*

Пролог

Монастырь Пресвятой Богородицы, Лос-Анджелес Почти шестнадцать лет назад...

Пока акушерка заворачивала новорожденную в одеяльце и передавала крохотный сверток сестре Рут, девочка не переставала кричать. Старейшая монахиня монастыря ссутулилась с годами, но каждое ее движение дышало царственностью. Она тут же повернула малышку к своему плечу, ограждая ее от печального зрелища умирающей матери, и принялась успокаивать.

Из угла стерильной палаты за всем этим наблюдал наголо бритый крупный мужчина с бородкой клинышком, и его лицо становилось все мрачнее.

Акушерка не оставляла попыток вернуть роженицу к жизни. Пот струился по вискам повитухи, она из последних сил делала женщине искусственное дыхание, качая головой и испуганно бормоча:

— Где же доктор? Пора ему уже быть здесь!

Акушерка не видела, а мужчина в углу успел заметить, как из груди пациентки выпорхнуло и зависло в воздухе над кроватью мягко мерцающее облачко.

Затем глаза мужчины распахнулись шире — над безжизненным телом повисло второе, более плотное облачко и приобрело очертания крылатого существа ослепительной чистоты. Сестра Рут на мгновение задохнулась от восторга, а затем быстро перехватила малышку, приподняла ее и повернула личиком вверх.

Призрак устремился вниз к девочке, нежно, как легкий ветерок, поцеловал ее, а потом направился в угол к мужчине. Тот коротко всхлипнул, протянул вперед руки, и, не совладав с собой, уронил слезу.

А призрак, чуть помедлив, подхватил на руки второе — меньшее — призрачное облачко и уплыл, как бы подчиняясь дуновению ветра.

— П-простите меня. Я... я не понимаю, что случилось. — Голос акушерки дрожал, руки тряслись. Она накрыла простыней тело умершей женщины, затем перекрестилась и закрыла ей глаза.

— Вы сделали все, что могли, — мягко сказала сестра Рут. — Но пришел ее час.

Мужчина молча отвел взгляд от постели роженицы и тяжело посмотрел на младенца. Сестра Рут, поколебавшись, повернула девочку личиком к нему. Та захныкала, широко раскрыла глаза, и на какой-то миг черты мужчины смягчились.

Но тут их прервали. Дверь рывком распахнулась, акушерка вскрикнула, и в небольшое помещение, заполнив его целиком, вломился наряд полиции. Сестра Рут прижалась к стене, крепко обхватив руками малышку и шепча молитву, а мужчина, которого окружили копы, казалось, вовсе не был обеспокоен или расстроен.

— Джонатан Лагрé, — спросил полицейский офицер, стоявший впереди, — известный также под именем Джон Грей?

— Это я, — хриплым резким голосом ответил мужчина, и на его хмуром лице появилась зловеще-презрительная улыбка.

Он без сопротивления позволил надеть на себя наручники, спокойно выслушал свои права и текст обвинения:

— Вы арестованы за перевозку запрещенных препаратов через границы штатов и границы между странами...

Когда полицейские покончили с перечнем преступлений Джонатана Лагре и приготовились его уводить, он снова оглянулся на новорожденную девочку, натянуто улыбнулся ей и с иронией в голосе произнес:

— Просто скажи «нет» наркотикам, детка. Справишься?

Как только он исчез за дверью, вопли младенца возобновились.

Удовольствие — приманка греха
Платон

Ложь и похоть

Стоя в очереди на концерт, я то и дело одергивала джинсовую юбку и изо всех сил старалась не теревить бретельки нового топа — мне было неловко с голыми руками и плечами. Наряд подарила мне к наступающему шестнадцатилетию старшая сестра Джея, а билеты купил сам Джей, которому хотелось посмотреть выступление нескольких местных групп, включая его последнее увлечение — «Греховодников». Название, которое выбрали себе музыканты, говорило против них, и все же я улыбалась — ради Джея.

Он был моим лучшим другом. И единственным.

В школе считали, что между нами что-то есть, но ошибались. В *этом* смысле он мне не нравился. Я ему тоже — мне были совершенно точно известны его чувства, я могла их буквально видеть, а если позволяла себе, то и испытывать. Как сейчас.

Джей был в своей стихии. Он барабанил себя пальцами по бедрам, весь лучился радостным волнением, и я купалась в желто-оранжевом сиянии, окружавшем его фигуру. Он провел рукой по своим густым коротко остриженным волосам, потом коснулся квадрата щетины под нижней губой. Для парня Джей был полноват и маловат ростом, но все равно намного выше меня.

Из кармана Джея громко зазвучала песня в сопровождении ударных. Он глупо улыбнулся мне и начал в такт ритму раскачивать взад-вперед головой. Ох, нет — только не этот безумный танец всем телом. Я умоляюще посмотрела на него:

— Перестань, пожалуйста.

Но Джей уже разошелся под телефонную музыку — плечи ходили ходуном, бедра двигались из стороны в сторону. Очередь вокруг нас раздалась, люди вначале смотрели на Джея с удивлением, потом стали смеяться и подзадоривать его. Я прижала пальцы к губам, пряча смущенную улыбку. На последнем такте мелодии Джей слегка поклонился, выпрямился и ответил на звонок.

— Привет! — сказал он. — Что у тебя слышно? Мы все еще в очереди, а ты где?

А, это, должно быть, Грегори.

— Ты захватил наши диски? Вот как? Отлично, увидимся внутри.

Он засунул телефон обратно в карман.

Я потеряла голые плечи. Весенний день в Атланте выдался теплым, но как только солнце скрылось за высокими домами, температура воздуха упала. Мы жили не в самой Атланте, а в Картерсвилле — городке в часе езды к северу, — и мне было непривычно находиться в большом городе, особенно ночью. Над нами зажглись городские огни, толпа с наступлением сумерек стала шуметь громче.

— Не смотри туда прямо сейчас, — прошептал Джей, нагнувшись к моему уху, — но тип, который стоит на три, явно тобой интересуется.

Я тут же посмотрела, и Джей недовольно крикнул. Забавно: тот парень действительно на меня глядел — вот только глаза у него были налиты кровью. Он кивнул мне. Я, с трудом подавив глупый девчоночий смешок, развернулась спиной и принялась сосредоточенно играть прядью своих русых волос.

— Ты бы поговорила с ним, — сказал Джей.

— Ни за что.

— А почему?

— Он... под кайфом, — я перешла на шепот.

— Откуда ты знаешь?

Я знала. Когда тело человека находится под воздействием определенных веществ, цвета эмоций тускнеют

и размываются. У этого типа они были, мягко говоря, не-отчетливыми.

Дар видеть эмоции как цветную ауру — часть моей врожденной способности чувствовать настроение окружающих. Спектр цветов, как и спектр эмоций, устроен довольно сложно, у каждого оттенка собственное значение. Упрощенно, положительные эмоции всегда цветные, от ярких до пастельных, а отрицательные — по большей части оттенки черного, хотя есть несколько исключений. Зависть зеленая, спесь фиолетовая, похоть — она очень часто встречается — красная.

Меня завораживали эти цвета и их смена, то медленная, то стремительная. Я старалась не считать постоянно эмоции людей и ни на кого не смотреть подолгу, чтобы ненароком не вторгнуться в чужой внутренний мир. Ни один человек — ни Джей, ни даже Патти, моя приемная мать, — не знал об этом моем даре.

Мы медленно продвигались к дверям клуба. Я в очередной раз одернула юбку и, взглянув вниз, убедилась, что ее длина находится в рамках приличий. Прекрасно, Анна. По крайней мере, твои ноги уже не выглядят как пара зубочисток, на них образовались кое-какие мышцы. Пока я росла, меня все время называли «худышкой» и «спичкой», но я никогда особенно не заикливалась на собственной фигуре — или ее отсутствии. Бюстгальтеры с вкладками — отличное изобретение, а два небольших углубления по бокам вполне сходили за талию. Но пять недель назад я прочла, что тело — «храм моей души», и начала заниматься бегом.

Здоровый храм, так и запишем.

Еще через несколько шагов Джей потер ладони и сказал:

— Знаешь, когда попадем внутрь, я бы мог взять нам чего-нибудь выпить.

— Никакой выпивки, — тут же откликнулась я, и мое сердце забилося чаще.

— Отлично, понял. Никакого алкоголя, никаких наркотиков, никакого ничего. — Джей похлопал ресницами, передразнивая меня, и легонько ткнул меня локтем в бок, показывая, что пошутил. Он, разумеется, не мог предложить такого всерьез, но знал о моем отвращении к *веществам*. Даже сейчас его замечание насчет наркотиков и алкоголя вызвало у меня неприятное, почти физическое ощущение, как будто меня куда-то толкают и волокут, поспешно и жадно. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Наконец, очередь дошла до нас. Молодой билетер надел мне на руку браслет для несовершеннолетних, смерил оценивающим взглядом мои волосы до пояса, приподнял бархатный заградительный канат, и сначала проскочила внутрь я, а за мной по пятам — Джей.

— Seriously, Анна, — засмеялся он у меня за спиной, — не позволяй мне сегодня стоять на пути у всех этих ребят.

Джею приходилось говорить громче — мы вошли в зал, а там уже было полно народу, и гремела музыка. Мне конечно, следовало собрать волосы, — я отлично это знала, но Яна, сестра Джея, уговорила меня их распустить. Я перекинула волосы через плечо и принялась скручивать их пальцем в жгут, глядя на густую толпу и помаргивая от шума и ярких вспышек эмоций.

— Им только кажется, что я им нравлюсь, потому что они меня не знают, — ответила я Джею.

Он покачал головой:

— Терпеть не могу, когда ты говоришь такие вещи.

— Такие — это какие? Что я *особенно особенная*?

Я пыталась пошутить — мы, южане, пользуемся этим выражением, когда хотим беззлобно намекнуть, что кто-то «не прав». Но из груди Джея, к моему удивлению, вырвался серый всполох — гнев. Потом серый цвет рассеялся.

— Не говори так о себе. Ты просто... застенчивая.

На самом деле я была очень странной, и мы оба об этом знали. Но мне не хотелось расстраивать Джея, и потом, не смешно ли вести серьезный разговор, вопя во всю мощь своих легких?

Джей вытащил из кармана вибрирующий телефон, взглянул на экран и с улыбкой передал аппарат мне. Патти.

— Алло! — Я заткнула другое ухо пальцем, иначе ничего не было слышно.

— Просто проверяю, что с тобой все в порядке, милая. До чего же у вас там шумно!

— Да, очень! — прокричала я в трубку. — Все отлично! Буду дома к одиннадцати!

Я впервые попала на такое мероприятие. Впервые в жизни. Джей самолично уговаривал Патти отпустить меня, и каким-то чудом она разрешила мне пойти. Но ей было не по себе, весь день она нервничала, как кошка у ветеринара.

— Будь все время рядом с Джем, а если кто-нибудь незнакомый с тобой заговорит...

— Знаю, Патти. Не волнуйся, хорошо? Никто со мной не заговаривает. — Нелегко было успокаивать ее, перекрикивая шум, когда меня еще и толкали со всех сторон.

Тут диджей объявил, что на сцену впятером выходят «Греховодники».

— Мне надо идти, — прокричала я в телефон. — Вот-вот начнется выступление. Со мной все будет в порядке, обещаю!

— Хорошо, милая. Может быть, позвонишь с дороги, как будете возвращаться? — Это было сказано тоном, не терпящим возражений.

— Конечно. Целую тебя, счастливо!

Я поспешила отключиться, пока она не завела разговор о приемах самозащиты или еще какой-нибудь чуши в этом роде. Сегодня вечером мне с трудом удалось выбраться из нашей квартирki — столько раз Патти останавливала меня с очередным предостережением. В какой-то момент мне даже показалось, что с нее станется отправиться вслед за нами в клуб.

— Вперед!

Я схватила Джея за руку и потащила его в гущу толпы. Кого там только не было — от панков и готов до мажоров!

Мне удалось пробиться к переднему краю сцены, слегка побеспокоив несколько человек, — но я аккуратно перед всеми извинялась. В моем представлении, я задолжала Джею место в первом ряду, когда расстроила его.

Люди толпились на деревянной сцене точно так же, как и на всех прочих горизонтальных поверхностях в здании, небольшом и приземистом, но с высокими потолками. В царившую внутри атмосферу вносили свой вклад теснота и нарушение всех правил противопожарной безопасности, какие только есть в Джорджии.

Мы успели как раз к моменту, когда диджей призвал всех «уступить место» «Греховодникам». Зал приветствовал группу восторженным ревом, и первая песня оказалась мне знакомой — Джей иногда заводил ее нам по дороге в школу. Несмотря на мою всегдашнюю склонность к чересчур сдержанному поведению, музыка захватила меня, я подпрыгивала в такт и подпевала во все горло. И вместе со мной точно так же прыгал и пел Джей. Невероятно — это было *весело*. Скакала вся толпа, и мне передалось общее радостное возбуждение.

— Эгей, — крикнул в мою сторону Джей, когда кончилась первая песня. — Они! Дико! Клевые!

Началась вторая песня, более медленная. Я подуспокоилась и принялась разглядывать музыкантов. Певец-солист весь сочился самодовольством — густо-фиолетовая аура почти скрывала облегающую рубашку и джинсы. Он носил хитроумную прическу — волосы поставлены торчком и зачесаны набок, — а микрофон держал вплотную к губам, едва не целуя. В припеве темп ускорился, ударные сорвались в неистовое буйство, и разгоряченная публика снова принялась скакать. А я перевела взгляд на барабаны.

В барабанщике мне бросились в глаза несколько вещей, причем все одновременно. Он был полностью сконцентрирован на своей партии и идеально держал ритм. Вокруг его тела не клубилась прозрачная цветная аура. Только в центре груди сияла плотная ярко-красная звездочка, а